

Мансуров Андрей

Другое Существо

Остросюжетная фантастика

Андрей Мансуров
Другое Существо

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Мансуров А. А.

Другое Существо / А. А. Мансуров — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Мартен отлично понимает, что он - не человек. Он - боец, кем-то искусственно созданное существо. И созданное с единственной целью: драться с противниками-людьми на Арене. Драться до смерти. Мартена или человека. Чтоб этим кровавым зрелищем услаждать чьи-то испорченные и пресыщенные вкусы. Но в бойце-гладиаторе всё сильнее зреет страстное желание - добраться до своих мучителей-тюремщиков, и до тех тварей, что находят удовольствие в чужой смерти, крови и агонии... И отомстить.

Содержание

Другое существо.	5
Станция.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Другое существо.

Станция.

Посвящается Мартену Фуркаду, спортсмену и бойцу.

Х-ха!! Крак! У-у-ау!!!

Звук хлёткого удара, треск сломавшейся кости и дикий вопль нападавшего почти слились – настолько быстро всё произошло. Мартену осталось только пригнуться, чтоб его не задел брошенный в него другим гадом метательный нож, и толкнуть словно застывшего перед ним придурка с переломанной ключицей и перекошенным лицом в объятия его менее расторопного подельника.

Оба с грохотом завалились прямо под мусорный бак.

Третий бандит подходил к Мартену не спеша – явно знал себе цену. Оно и верно. Удар ногой, нанесённый столь быстро, что у обычного человека просто не было бы возможности отразить его, Мартен отбил на автомате: рефлексы! Они – в разы быстрее, чем сознательные решения.

В голове миллисекундной вспышкой промелькнули советы наставника: «если будешь анализировать да раздумывать типа: «Ага! Меня бьют правым хуком. Следовательно нужно согнуть левую руку в локте под углом девяносто градусов, и выставить вперёд так, чтоб локоть противника оказался посередине предплечья, блокировав и временно обездвижив его ударную руку, а самому чуть пригнуться, отклониться, и ударить правой – в пах или солнечное сплетение», окажешься в отключке раньше, чем моргнёшь! Потому что сознательные действия всегда медленней чисто автоматических наработок! Мозги – они не рефлексы! Да и вообще: мозги – это последнее, что нужно в доброй драке.

Доверяй телу!»

Поэтому Мартен старался во время таких нападений и не думать, а просто – вот именно, довериться своим «наработкам» и навыкам. Вот и сейчас, поняв, что противник был готов к тому, что удар отобьют, и его рука уже летит к челюсти Мартена, он чуть отодвинулся и отклонился – чтоб удар пришёлся в воздух. После чего сопроводил проплывающий мимо него как в замедленном кино затылок гада здоровенным ударом в основание черепа у уха – кистевым хватом. Нападающий закончил своё движение в добрых пяти шагах от Мартена. И то, только потому, что на его пути встретилась стена переулка.

Очухался и зашевелился тот идиот, на которого грохнулся сволочь с переломанной ключицей. Именно эти двое сопровождали короткий поединок Мартена с каратистом воплями: переломанный – боли, сбитый с ног – возмущения. Ну и, разумеется, ругательствами. Миндальничать с поднявшимся на ноги Мартен не стал. Подскочив, поторопился ударить ногой и сам: удар пришёлся в пах, и поток грязной ругани мгновенно сменился утробным воем, покрасневшее лицо перекосила гримаса: мужчина застыл, согнувшись в три погибели. Мартен не придумал ничего лучше, как добить в челюсть.

Пусть полежит, отдохнёт. Порадуется, какой «гуманный» ему попался стalker: а ведь Мартен мог бы добавить и по почкам, после чего скоту пришлось бы отлёживаться неделю. Или мог просто мениск порвать – а это выводит из строя уже на пару месяцев.

После того, как последний из троицы нападавших грохнулся на брусчатку переулка, Мартен выдохнул: ну повезло им с напарником. Это – точно не люди Большого Бориса. Те меньше чем по пять-шесть человек не ходят. И если уж берутся «щупать» стalkerов – так подходят к

делу основательно: хочешь, отдашь всё, что нарыл – добровольно. Не хочешь – полежи с пару недель, полечи поломанные рёбра и свёрнутую челюсть...

Мартен сталкивался и с ублюдками Бориса, и с громилами Фарруха. И много ещё с кем. Но вот с этими молодчиками встретился впервые. Явно – не местные. Приехали, видать, на вольные хлеба. Впрочем, промышлять, как бывало ещё пять-шесть лет назад, в предместьях их города было уже практически нечего. Разрыты и обысканы даже подвалы тех домов, что лежат почти на самом дне эпицентра холмами мелкого серо-чёрного крошева. Но пойдика докажи это наивным борзым идиотам, свято верящим сплетням прошлого века, что здесь – настоящий Клондайк!..

Мартен подошёл к каратисту. Перевернул. Нет, рожа незнакомая. Значит, точно – вольные художники. Ну так и поделом им. Будут знать, что здесь stalkеры не лыком шиты, и просто так, нахалюву, ничего у них не отберёшь.

Чтоб уж довершить позор побитых, словно собаки, дебилов, Мартен перегрузил всё, что нашлось в их карманах себе в рюкзак, даже не глядя.

Затем подошёл к напарнику. Тот не подавал признаков жизни. А ещё бы: удар электрошокером на максимуме вырубает минимум на полчаса. Зато то, что товарищ принял удар на себя, позволило Мартену легко (Ну, сравнительно!) разобраться с нападавшими. Похоже, действительно посчитавшими их за трусливых и неумелых лохов.

– Эй!.. Подъём! – попытки похлопать по щекам, и потрясти за волосы не дали результата: напарник упорно не желал вылезать из бессознательного состояния. Да и ладно. Не страшно. Электрошок не ломает костей, и не лишает детородной функции, как, например, профессиональный удар пяткой Мартена.

Приподняв за плечи и посадив напарника на пятую точку, Мартен подлез под его немаленькое туловище. Взвалил на спину, покряхтел.

Осталось только добраться до второй берлоги – первая-то явно засвечена.

Рюкзак с добычей пришлось закинуть на живот, потому что на плечах бесчувственным мягким мешком распласталось тело кореша.

Ладно: дотащит он его уж как-нибудь...

А там и отсидеться можно спокойно, пока не кончится ночь.

На этот раз он проснулся необычно: не в тот момент, когда его избивали бы, или ловили, или от боли он терял бы сознание.

Нет, сегодня Мартен проснулся сам. Если верить тому, что помнится вот сейчас, по горячим, так сказать, следам из своего сна – уже донесся напарника до запасной берлоги.

Вроде, ситуация... Не критическая?!

Или...

Или потом, позже, с ним *тем* случится что-то нехорошее?

К ним вломится патруль особистов? Рухнет заброшенное здание, в подвале которого они и оборудовали запасную берлогу? Или...

Но Мартен не помнил, что будет дальше. Да и вообще: те беспорядочные и обрывочные воспоминания, что иногда возвращались к нему в снах «из прошлой жизни» ничего ему не проясняли, кроме того, что он – отлично обученный и «инициативный» боец.

Способный постоять за себя. Жестокий и жёсткий. Расчётливый.

Да, его теперешняя «работа» мало напоминает то, чем занимался в дни, так сказать, бурной юности. Да и зрелости. Но ведь в полуразрушенном и умирающем портовом городе не так уж много возможностей для – не то, что нормального, а и просто – существования. Это – даже не говоря о «заработке». Заработка там, где он жил (Правильнее всё же сказать – выживал последние тридцать пять лет!) с момента, как начал себя осознавать, не было ни у кого, почи-

тай, лет восемьдесят... А продукты и одежда, не говоря уж о крыше над головой, оборудовании, и лекарствах, нужны. Для выживания.

Правда, отдельные моменты этой старой жизни Мартен помнил, вернее, они являлись ему в снах, очень чётко. Словно они и правда – произошли вот только что. Ярко, будто освещённые полуденным солнцем, подробно. Он даже вспоминал тогда, что вот в этой, запасной, берлоге всегда воняло хлоркой, а вот та биодевушка-кукла из борделя Большого Бориса пахнет жасмином: не иначе, как какой-то из клиентов ностальгировал, и щедро полил псевдоплоть найденным или украденным где-то флаконом с одеколоном... Одеколон сейчас – немыслимая роскошь. Поскольку всё вокруг пропахло насквозь, словно на века, плесенью, потом, рыбой и пылью. Ну а радиация не пахнет. К сожалению.

С другой стороны, были вещи, вроде, гораздо более важные для той, прошлой, жизни, но которых он почему-то вспомнить не мог. Например, он помнил, знал, что у него есть напарник, и тому вполне можно доверять – они спасали друг друга не раз! – но как его зовут?! Имя ускользало: так, как исчезают предрассветные тени и туман.

Вот, казалось бы, сейчас он вспомнит!.. Ведь должен же он помнить!

Но ни фи́га не вспоминалось.

А ведь имя напарника, и то, как и где они познакомились и стали работать вместе, имеет в тысячу раз большее значение для выживания, чем память о том, чем пахнет шлюха в борделе...

Не-ет, причуд своей новой памяти Мартен понять пока не мог. Оставалось ждать и надеяться – а вдруг наступит время, когда он вспомнит всё. И поймёт, как здесь оказался.

Мартен перевернулся на спину.

Сорок седьмой раз он просыпается здесь, (Если условно считать такие пробуждения за дни – то он здесь полтора месяца!) и конечно, теперь осознаёт себя гораздо лучше, чем в самые первые три дня. Когда он даже не понимал – кто он, что он, зачем он здесь...

Первыми, в первый же день, вернулись инстинкты: он смог ходить на своих новых ногах, и вполне успешно манипулировать тем, что сейчас заменяло ему руки.

Однако долго «предаваться» самоисследованию ему не дали: первого противника он получил как раз спустя три дня адаптации. Конечно, этот враг запомнился Мартену лучше всего: первый же! И так страшно оказалось осознать, что вооружённый мечом коротышка совсем не шутит, когда пытается Мартена этим самым мечом – убить.

Именно – убить!

Но то, что пробудилось в его теле, и подсознании – навыки, наработанные до автоматизма! – позволили ему тогда убить первого человека. Помогли в этом новые, «встроенные», «причиндалы» этого тела – огромные, острые и прочные, когти на руках.

Мартен поморгал в полутьме. Обвёл, словно впервые попал сюда, как бы равнодушным взглядом «интерьерчик».

Да, вот он: потолок его камеры. Его теперешнего «жилья». Куба: три на три на три шага. Стены – листовая сталь. В углу – дыра в стальном же полу, для опрвления естественных нужд. Хотя не больно-то их оправишь на диете из белковых шариков, которые ему скупно и редко выдаёт раздаточная коробка на стене. А вот из соска рядом с коробкой можно пить воды – сколько душеньке будет угодно.

Но что же это за сон приснился ему сегодня? И почему он проснулся *вот так* – не от чего-то экстремального, а прямо посреди привычного, банального вроде, действия?

Разумеется, иногда ему трудно было вспомнить кое-какие моменты кошмаров, когда просыпался с диким криком и сведёнными судорогой мышцами рук и ног, обычно ещё и покрытый вонючим липким потом – от адреналина. Но сегодня... Всё чётко, ясно.

Нет, его никто не убивал. Хотя, конечно, пытался. Но прошло-то, вроде, благополучно? И он и напарник остались живы. И – ну, почти! – невредимы?

В чём же дело?

Может быть, сегодня ему предстоит какая-то особенная... Схватка? Противник тут, в этом странном месте, окажется совсем уж грозным и непобедимым?

Мартен поднял руки перед собой. В тусклом свете ночного плафона на потолке они казались серыми и словно покрытыми пылью.

Нет, он не обольщался на счёт себя и своего статуса здесь, в этом Лабиринте.

То, что он видит во сне – *не его* воспоминания. И даже не его тела.

Поскольку он – не человек.

И руки, которые он сейчас в сотый, если не тысячный раз рассматривает – не руки.

Это – лапы. Мускулистые, да. Покрытые коротким и пушистым налётом: тонкой и мягкой шерстью. Более толстая и длинная шерсть – на спине. А вот живот, словно специально, сделан абсолютно голым. Чтобы враги-противники Мартена видели, где у него расположены жизненно важные органы. И могли постараться достать их своим оружием: мечами, копьями, трезубцами...

А сам Мартен может отвечать им только тем, что при нём. Встроено, так сказать.

Трёхдюймовые вначале, но с каждым днём на долю миллиметра отрастающие, когти. Прочности невероятной: он свободно, больше не боясь, что их перерубят, мог отбивать особо опасные удары своих вооружённых металлическими орудиями врагов, этими самыми, теперь четырёхдюймовыми, чуть изогнутыми лезвиями, толщиной с сами пальцы.

Когти на ногах. Как ни странно – эти почему-то не растут. И сразу были четырёхдюймовыми. Ходить по песку Арены удобно. Да и вообще – ступня у него широкая, а сами ноги, хоть и не столь длинны, как у нормального человека, зато намного более мускулисты и жилисты. Выносливы. Бегать долго и быстро – для теперешнего тела Матрена – не проблема. Так же, как и дышать широкой бочкообразной грудью.

Зубы. Хм. Зубы типичного хищника. Острые, почти дюймовые, клыки Мартен не видел, конечно, а только щупал иногда, да и не нужны они при разгрызании белковых шариков, которыми его тут снабжает автокормушка. Но при необходимости, если заняты руки и ноги, можно и ими противника рвать на куски! Потому что кусать чуть вытянутой вперёд (Конечно, не так, как, скажем, у волка, а чуть поменьше!) мордой – удобно. А вот обоняние... Оставляет желать лучшего – явно не от животной составляющей его теперешнего тела.

Нет, он понимает, конечно, что его звероподобный облик создан кем-то. Искусственно сформирован. Разумеется – специально. И те воспоминания, что иногда посещают его по ночам – лишь отголоски жизни того человека, того бойца, что впечатали ему в память – для получения боевых навыков и стойких рефлексов. В битвах и поединках.

Потому что, как ни крути, а единственной целью, с которой, как ему представляется, могло быть создано существо вроде него, вот именно – Поединки!

Сегодняшний противник Мартена оказался вооружён только одним мечом.

Зато этот меч казался гораздо опасней: тонкое сверкающее полированными гранями лезвие чуть изгибалось от длинной рукояти к острию, и было с добрую руку длиной.

Плохо. Таким оружием враг сможет наносить ему удары издали, не подпуская на дистанцию эффективного поражения его оружием. Да и сам враг – мужчина на полголовы выше Мартена, состоял, казалось, из одних мышц и злобного рёва: сразу кинулся на Мартена, вращая клинком так быстро, что лезвие казалось монолитным сверкающим кругом, заставив уворачиваться, а затем и просто бежать прочь. Благо, Арена это позволяла: овал двести шагов в длину, и сто – в ширину.

Сегодняшние схватка и погоня сопровождалась для разнообразия – грозой.

Они бежали под серым псевдонебом, словно затянутым нависающими сизо-синими тучами. Оглушающе, будто желая сбить с толку, гремел гром, и вспышки молний распарывали пространство над головой, не ударяя, впрочем, в песок. Откуда-то сверху же накрапывал ещё и

мелкий дождь. К запаху собственного пота Мартена скоро присоединился и противный запах мокрой шерсти – свалявшейся и грязной...

Мужчина, пытая и брызжа слюной, теперь громко ругался, посылая проклятья в адрес «трусливой твари» и поминая всех чертей и руххасов, (абстрактное для Мартена понятие, но вероятней всего – какие-то злобные духи, противники главного Бога его врага: он слышал о чём-то таком почти от каждого своего соперника) и родственников Мартена до девятого колена. (Ну а уж это – вообще ерунда несусветная: не имелось у Мартена никаких родственников.) Пока продолжалась погоня вдоль гладкого белого барьера Арены, пятиметровой вертикальной стеной огораживающего место битвы, Мартен старался сохранить ровное дыхание, и экономно расходовать силы – не подпуская врага слишком близко, но и не отдаляясь от того настолько, чтоб враг плюнул и сел отдыхать. А сам в это время напряжённо думал.

Противник сегодня – сильный и хорошо вооружённый. Справиться точно будет потрудней, чем с предыдущим – тем, что был вооружён короткими древнеегипетскими хопешами. Но если б это было вообще невозможно, ему бы его не дали. Значит, остаётся просто продумать тактику действий, и выкинуть неожиданный (для врага) финт. Например, сама-собой Мартену пришла мысль о том, что раз враг – крупный, мускулистый и злобный, то скоро устанет таскать своё массивное тело по песку. Да и адреналин, поддерживающий сейчас его злобу и азарт, рассосётся.

И эта мысль оказалась вполне верной.

Потому что гонять Мартена по периметру овала мужчина вскоре явно захрахался: вон, остановился, заткнулся, и даже мечом больше не машет, вонзив его в землю перед собой, и согнувшись так, что ладони опираются на колени.

Отбежавший на двадцать шагов Мартен вдруг закачался, застонал, рухнул на колени, а затем и упал на рыхлый песок, которым была как обычно покрыта арена – если б не это, ничто не мешало бы его противнику бегать так хоть два часа.

Враг должен был подумать, что Мартен выдохся – тут Мартен ему, разумеется, подыграл, перевернувшись на спину, хватаясь за горло, и делая судорожные движения ртом – словно ловит воздух. При этом Мартен ещё и хрипел, пускал с кончиков рта-пасти слюну, и выпучивал глаза – для достоверности картины.

Противник купился. Во всяком случае, мужчина с торжествующим рёвом кинулся к Мартену, подняв руки с мечом над головой, и явно намереваясь всадить своё оружие сверху в распластавшееся по песку беспомощное тело!

В тот миг, когда кончик меча оказался буквально в сантиметрах от груди Мартена, он метнулся вбок, одновременно бросив горсть песка, зажато в правой руке, в лицо наивного идиота. Песок в глаза не попал – во-всяком случае, враг не отступил и не начал тереть их, пытаясь восстановить зрение. Но на какой-то миг облако из мелких частиц просто закрыло Мартена от противника, и заставило того растерянно застыть на месте.

А больше Мартену ничего и не надо было: меч в руке врага на долю секунды замер неподвижно, потеряв цель.

Мартен, не вставая, быстро крутанулся на пятой точке. Левая нога оказалась достаточно близко к икре мужчины, и уж Мартен не замедлил этим воспользоваться: пять четырёхдюймовых лезвий его когтей распороли эту икру почти до кости!

После этого оставалось только быстро откатиться подальше, вскочить на ноги, и слушать душераздирающие вопли. И ждать, когда враг просто истечёт кровью.

Но уж чего-чего, а терпения Мартену было не занимать.

Глядеть как побеждённый, истекающий кровью, но не сдавшийся гладиатор пытается снова догнать лёгкого и увёртливого ромэна, смысла особого не было. Итог боя однозначен: мужчина-человек умрёт от потери крови, выносливый и терпеливый ромэн просто не даст себя

догнать. Поскольку инстинкт рационального поведения в схватках заложен в его программу поведения лучше и прочней всего остального. (Спасибо донору!)

Доктор Элайджа Сэвидж нажал большую красную клавишу в центре пульта. Затем щёлкнул двумя тумблерами: первым, и спустя пару секунд – вторым. В ближнем торце опоясывающей арену стены открылось отверстие. Через две секунды открылись и ворота в дальнем конце арены, откуда выехал Страж-конвоир. Упавшего к этому моменту на песок клона деактивированного бойца-человека машина просто обошла. Двигался Страж как всегда: спокойно и неумолимо. (Ещё бы: робот же!)

Ладно, за процессом загона в Лабиринт можно не следить: ромэн теперь отлично знает, что через быющее электрическими зарядами поле шириной и высотой во всю арену не перепрыгнешь. Поэтому существо, злобно скалясь, просто отступило, позволив загнать себя в служебный проход, ведущий к камерам Питомника – за его дальнейшим путём по коридорам и уровням в свою клетку можно тоже не следить, всё сделает автоматика Стража.

Доктор оглянулся на напарника, профессора Росса Хиггинса, на лице которого как всегда в подобных случаях, уже имелась обычная кисло-презрительная мина. Спросил:

– Ну, как вам шоу, коллега?

– Не назвал бы это – шоу. – профессор дёрнул плечом, – Ничего зрелищного и интересного. Да и сами согласитесь: на что тут было глядеть? Полчаса погони, ромэн держит дистанцию, не напрягаясь, человеку бегать по песку куда тяжелей. За всё это время ни на одном из них ни царапины. Затем – как логическое завершение, человек выдохся, и плюнул на это дело. Ромэн, должен признать это, неплохо купил его, своим падением от, якобы, переутомления. А всё последующее – можно смотреть только в замедленном повторе. Бросок, разворот и удар когтями ноги заняли не более полутора секунд. Ну а затем – снова преследование, на этот раз уж совсем вялое и бессмысленное: мы же знаем, что наш «ветеран» не позволит врагу догнать, или обмануть себя. И даже добивать гладиатора ради пропитания не станет – его неплохо кормят и в клетке.

Нет, мы конечно, просмотрим записи ещё и ещё. Изучим. Возможно, кое-что подмонтируем, но...

Но вряд ли зрители будут в восторге от такого зрелища. Скучно. Нудно. В ключевом моменте – скоротечно. Нет, коллега. Нам нужна вот именно – зрелищная, долгая и упорная, кровопролитная битва. Примерно равных противников. Чтоб кровь – ручьями, и кишки – из брюха. Ну, разумеется, и проклятья, и отрубленные конечности...

Словом, как у древне-римских греков!

Доктор Сэвидж невольно поморщился: дурацкая привычка коллеги констатировать и без того понятные вещи, и по десять раз повторять дежурные выкладки из Директивы, разработанной «умными» аналитиками и топ-менеджерами, раздражала его. Собственно, все два последних месяца, что они вынуждены сотрудничать, профессор повторял почти слово в слово одно и то же при каждом неудачном исходе очередного теста.

Вот только Сэвидж не знал пока, происходит ли это от косности ума, или профессор просто хочет за дежурными фразами что-то скрыть. Например, злость и неудовлетворенность. Тоску и раздражение.

От того, что фирма-наниматель просто подло обманула их всех, пообещав «творческую и невероятно интересную и важную», и даже – «засекреченную», работу. А фактически – просто превратила их всех в, в... садистов. Вивисекторов. Надзирателей большого и страшного современного Концлагеря.

В мерзавцев, стравливающих, как древних гладиаторов-смертников, несчастных биороботов, на потребу пресыщенной, избалованной и кровожадной публике. Состоятельным, пресытившимся обычными развлечениями, и теперь жаждущими экшена «погорячей», тварям. Желаящим «отдохнуть, и развлечься зрелищем экстремального реалити-шоу».

Бездельникам, которые могут и любят смотреть на чужие мучения.
Агонию. Смерть.

Которая, разумеется, должна свершаться как можно разнообразней. И достоверней.
И – главное! – эти извращенцы готовы и могут за это *заплатить*.

То есть сейчас вся их команда работает на потребу телезрителям кабельного, закодированного и закрытого, канала. Элитного. Одного из десятка, принадлежащего его нанимателям.
Проклятье. Не этого он хотел, выходя из стен престижного Йеля. Но...

Не было тогда других вакансий, кроме той, что предложила сволочная Корпорация.

Специалист по генной инженерии в наше время имеет не столь уж большой выбор для приложения своих талантов и способностей! Разве что скрупулёзно и педантично разрабатывать восемьсот пятьдесят шестой вариант необычайно скороспелой, и не боящейся вредителей, холодов, и, главное – радиации, кукурузы. Или сои.

Вот и пришлось первых два года «ассистировать», а фактически просто прислуживать наглому самодуру – доктору Элмеру Брокеру, пока у того не закончился Контракт, и он не отчалил, сделав им всем на прощание ручкой, пожинать плоды нехилых накоплений, появившихся на его личном счету в Банке Содружества. А Сэвидж возглавил лабораторию по разработке существ на базе медведя. И поскольку он имел глупость проявить свои таланты и амбиции, спустя всего год его и поставили сюда, главным Контролёром. Работёнка куда более простая, (фактически в их функции входит лишь оценка эффективности чужих разработок, и контроль качества производимых видеозаписей) но тяжёлая с так называемой нравственно-этической стороны: приходится ежедневно наблюдать от трёх до полдюжины смертей. Псевдогладияторов-людей. Или *этих* существ – это уж в зависимости от того, кому фортуна сегодня улыбнётся...

И при этом ещё вырабатывать «рекомендации» лабораториям. Их, этих самых псевдосуществ, разработавшим: как улучшить, то бишь – сделать более зрелищными, «показатели» их «продукции».

Профессор Хиггинс между тем, убедившись, что возражений со стороны коллеги не последует, а Страж уже загнал ромэна в дверь Лабиринта, спросил, глянув исподлобья:

– Ну что, коллега? Выпускаем следующего?

По тому, что голос Хиггинса казался нарочито небрежным, Сэвидж понял, что и у того всё-таки имеются сомнения на счёт их «работы». Однако поговорить на эту тему с коллегой, или ещё с кем-либо из учёных-контрактников, отбывающих (По-другому и не скажешь – но это только для тех, кто не может, или не хочет засунуть свою совесть в ...адницу!) здесь свой пятилетний «эксклюзивный» контракт, невозможно. Вернее, конечно, это возможно – если кто ищет на эту самую ...адницу приключений и неприятностей.

Потому что Служба Внутренней Безопасности, (СВБ) денно и ночью просматривающая и прослушивающая все помещения и разговоры персонала научных, технических, и прочих подразделений Станции, с большим удовольствием констатирует нарушение пунктов пять-дробь один, два и три Договора: о неразглашении, запрете на обсуждение допустимости подобного рода опытов, оценке соответствия их работы нравственным нормам Общества, и т.д. и т.п. И предъявит обвинение в «попытке провокационными разговорами дестабилизировать моральную атмосферу Станции». И в письменном и устном виде сообщит, что он оштрафован на половину месячного оклада. (А если нечто подобное повторится – то и на половину годового заработка!)

Поэтому говорить придётся только о работе.

Сэвидж, потупившись и прокашлявшись, постарался и своему голосу придать нейтрально-деловой тон:

– Выпускаем.

Мартен воспринял появление Загонщика с одной стороны – с облегчением. Как констатацию того факта, что битва закончена. Во-всяком случае, таковой её явно считают устроители всего этого свинства. Но с другой стороны он чувствовал разочарование и опасение. Что следующий противник уж точно окажется ещё сильнее и опасней. И будет куда лучше вооружён.

Однако все свои сомнения и опасения он пока засунул куда подальше: нужно быть особо внимательным. И смотреть, смотреть во все стороны: сейчас его поведут по Лабиринту. В его персональную клетку-камеру.

Почему его всегда конвоировали именно с помощью бессловесной и медлительной машины, Мартен пока не знал. Но мог догадаться: мерзавцы, что развлекаются, наблюдая за его битвами, кровоточащими ранами, мучениями, и усилиями выжить, явно получают удовольствие от зрелища сражений.

А главное – не хотят, чтоб он видел их гнусные рожи ни при каком раскладе!

В том, что та штукovina на широких мягких гусеницах, что гонит его всегда сквозь лабиринт переходов, лестниц и коридоров – неживая, он убедился ещё в самый первый раз, после первой же схватки. Тогда он попробовал метнуть в неё широкий плоский меч, оказавшееся при поверженном им коротышке – только-только достававшим Мартену до плеча.

Остриё, жалобно звенькнув, отскочило от бронированной поверхности переда штукovины, не причинив корпусу видимого ущерба – а ведь он вложил в бросок всю свою немаленькую силу! Лезвие от удара переломилось, не оставив на гладкой крашенной панели даже щербин. На действия Загонщика его бросок никак не повлиял: неторопливо и обстоятельно он продолжил, ни на секунду не затормозившись, надвигаться на Мартена. А когда тот попытался просто обойти странную штукovину, как раз и напоролся на оглушающий, хоть и не смертельный, удар током.

То есть, это теперь Мартен понимал, что это – удар током, а тогда он заорал, отскочил подальше, и даже упал на спину, держась за поражённую руку – та повисла беспомощной плетью, напрочь отказавшись слушаться Мартена.

Однако пришлось очень быстро начать снова шевелиться, а не лежать, предаваясь ощущениям. И поскорей убраться от неумолимо, хоть и медленно надвигающегося неуязвимого врага, подальше: вначале ползком, а когда смог подняться на ноги – так и бегом, потому что Мартен понял, что Загонщик не остановится, даже если он будет биться в судорогах от новых ударов. Предупреждавших о себе вначале сильным покалыванием во всём теле, а затем и бьющими и корёжащими тело похлеще любого меча, дикими конвульсиями!

То, что его бьют невидимым, но очень страшным и опасным оружием, он понял уже гораздо позже, после того, как его, оглушённого и полуживого, доконвоировали до его камеры, заперли дверь, и оставили зализывать раны и предаваться размышлениям и сожалениям. И если от сожалений толку особого не было, размышления давали Мартену достаточно много. Так, когда он прикончил следующего противника, бывшего уже почти с него ростом, и даже, вроде, потяжелее самого Мартена, он попробовал просто обойти Загонщика, держась теперь как можно дальше от двухметрового бронированного агрегата, и максимально близко к белой стене Арены.

Не тут-то было. О приближении сплошной стены бьющего искрами невидимого Барьера Мартену сказали руки: на этот раз он выставил их перед собой в надежде заранее обнаружить опасность. Ну вот и обнаружил. Тем не менее он успел, обежав агрегат, перебраться на другую сторону овала, и повторить попытку пройти и там. Покалывающая неприятными вначале, и убийственными в глубине незримого Барьера ударами стена, имелась, к сожалению, и по другую сторону от механизма. И дотянуться до её верхней кромки не удалось: попытка стоила Мартену нового онемения правой руки. На этот раз, правда, лишь до локтя: он же умный, не стал сразу пытаться засунуть всю руку в невидимый Барьер – поглубже!..

Так что теперь Мартен с Загонщиком драться, или прорываться сквозь устанавливаемую им невидимую стену не пробовал. Понял с первого раза, и больше бессмысленных попыток не повторял: дотумкал, что кем бы ни были создатели этого механизма, прорваться в тот, второй, проход, выжившему бойцу уж точно не позволят.

Зато теперь Мартен без помех и боли в поражённых током конечностях, и – главное! – абсолютно спокойно и беспрепятственно изучал обстановку Лабиринта, по которому его неторопливо конвоировали.

То, что Лабиринт построили лишь с одной целью, а именно – содержать здесь бойцов для битв на Арене, у Мартена сомнений уже не имелось. Потому что длинные коридоры на двух других уровнях, мимо которых они спускались с Загонщиком по дороге «домой», были сплошь утыканы огромным количеством дверей, ведущих наверняка в такие же камеры – Мартен сами коридоры видел мельком, издали, спускаясь по лестничным пролётам на свой уровень, и лишь заглядывая туда из колодца с лестничными пролётами. Потому что входы в эти коридоры перегораживали такие же, как у Загонщика, невидимые, но больно бьющиеся, стены-барьеры. Однако Мартен не сомневался: эти стены устанавливаются только тогда, когда с Арены ведут его – чтоб он не пытался туда сбежать. Наверняка когда в коридорах, или на Арене нет бойцов, эти перегородки выключают: иначе те надсмотрщики, кто шагают иногда, как он отлично слышал, мимо их камер, заглядывая в односторонне прозрачные окошечки в их дверях, не смогли бы ходить и сами.

Впрочем, то, что ему позволяют почти без боли посмотреть на камеры других узников-бойцов на верхних уровнях, сказала Мартену о том, что вероятней всего такая система содержания отработана давно. Надёжна. И «в лоб», наскоком или «экспромтом», эту защиту не возьмёшь.

Нужно вот именно – тщательно всё разведать, подумать. Продумать.

И уж потом принимать решения. И действовать.

Глаза напарника всегда напоминал ему пепел: такие же серые, потухшие и не имеющие выражения. Глаза отличного исполнителя.

А вот инициатива обычно исходила от Мартена.

Тем не менее, в том, что напарник предложил сегодня, имелся смысл. Мартен молча кивнул, соглашаясь, и принялся бесшумно грести. Нарушать предрассветную, настолько густую, что, казалось, её можно резать ножом, тишину банальными словами казалось словно... Непристойным. Да и неуместно шуметь на Работе.

Здесь, в заброшенной, и давно превратившейся в стоячее мёртвое болото, заполненное мусором и нечистотами, части акватории опустевшего порта, даже вода казалась словно умершей: маслянистые радужные пятна на поверхности, почти никогда не кольшимой никаким ветерком, и полусгнившие деревянные сваи, застывшие словно мертвецы, никак не реагировали на присутствие людей. Они даже не «наблюдали» за «противоправными» действиями явных нарушителей Закона, как казалось Мартену в их ранних вылазках, а равнодушно почили.словно их агония окончилась ещё восемьдесят лет назад.

Не-ет, обстановочка тут – не для слабонервных! Недаром же даже завязтые сталкеры и профессиональные Собиратели не суются в этот район: научены горьким опытом!

Плывать тут – всё равно, что соваться в саргассово море в пресловутом Бермудском треугольнике, как высказался однажды Лаки-красавчик. Что такое Бермудский треугольник Мартен не знал, но представить мерно колыхавшуюся поверхность, сплошь затянутую коричневым ковром дохлых разлагающихся водорослей – мог запросто.

К воротам склада прибыли точно с восходом: солнце только-только нарисовало свой тонкий ржаво-кирпичный сегмент в дальнем конце бухты. Напарник прошептал, указав для верности рукой:

– Попробуем причалить здесь. Ворон рассказывал, что ворота должны быть уже отперты. Нужно будет просто нажать.

У Мартена имелись, конечно, сомнения в том, что ворота столь вожаденной добычи «уже отперты», но он промолчал. Если спутник говорит, что замки и прочие запирающие приспособления кем-то из предшественников уже удалены – значит, озаботился найти нужную информацию. Мартен ткнул лодку носом в один из бетонных столбов, поддерживающих полу-сгнивший деревянный настил у ворот, и привязал её причальным канатом. Привязал покрепче: не хватало только остаться без их единственного надёжного средства передвижения. Поскольку по суше вернуться уж точно не удастся. Живыми.

Они бесшумно, и пригибаясь, чтоб не рисовать своих силуэтов на фоне морской глади, высадились на причал, и пробрались к приземистому серому каземату, имевшему по крайней мере несколько десятков шагов в ширину, и добрую сотню – в длину. И уж сам склад стоял не на сваях, а покоился на отличном бетонном фундаменте, не потрескавшемся даже за те семьдесят с лишним лет, что прошли с момента Катастрофы...

Замка на огромных стальных скобах, украшающих обе створки, действительно не оказалось. Зато сами створки оказались сделаны из железобетона: тяжеленные хреновины и не подумали податься даже под их объединёнными усилиями. Напарник хмыкнул:

– Ах вот вы как с нами... Ну и ладно: мы уже учёные! Подсади-ка меня!

После чего достал из заднего кармана плоскую алюминиевую склянку без этикеток и надписей. Мартен уже знал, что это: и действительно, напарник начал с дверных петель одной из створок, с самого верха, куда Мартен действительно подсадил его, сложив руки перед животом в замок. Копался напарник долго: обрабатывал, как знал Мартен, педантично и аккуратно. Добросовестно. Закончил обработку уже полом, щедро полив и бетонную поверхность прямо под створкой и перед ней.

Универсальная смазочно-растворительная эмульсия часто шла у них в ход: против неё мало что из заржавевших или удерживаемых собственным весом, или на трении, агрегатов, ручек, и дверей могло устоять. Не прошло и минуты, как напарник хмыкнул:

– Уже должно было пропитаться. Ну-ка, шевели своим тощим задом!

Мартен пошевелил, упёрся как следует в бетон пола, и теперь они смогли наконец сдвинуть и вытянуть на себя огромную трёхметровую в высоту створку – то, что она весила наверняка не меньше нескольких тонн, сказала им толщина чёртовой створки: целых тридцать сантиметров – один фут! Швеллер, которым была окантована сама створка по периметру, прочертил в бетоне пола ряд канавок и размазал лужицы раствора. Но позволил получить отверстие между створками как раз в фут: только-только протиснуться!

Что они и поспешили сделать, опасаясь локаторов биоизлучения – мало ли что придёт в голову федералам и охранникам развалин того, что когда-то было вторым по величине грузооборота портом Западного побережья!..

– Вау!.. – напарник не сдерживался, а явно торжествовал. Впрочем, это слово пришло в первую очередь в голову и самому Мартену, когда глаза привыкли к тускло-серому сумрачному сумраку, царившему внутри. Свет проникал сквозь открытую ими щель и через узкие и тонкие – даже кошке не пролезть! – окна-бойницы у самого потолка склада, обрисовывая стальные балки перекрытия крыши и беспорядочные груды чего-то наваленного на полу в глубине, – Неужели? Я глазам своим не верю! Не разграблено!

Мартен поспешил схватить за локоть храбро двинувшегося вперёд партнёра:

– Ну-ка постой. Уж больно подозрительно всё это. Лабаз стоит здесь почти век. Восемьдесят из них – здесь никто не был, если верить рассказам Ворона. Дверь не заперта. Внутри – ничего не тронута... Подозрительно всё это! Что-то тут – явно не так!

– Да ладно тебе, напарник! – на задании они друг друга по именам не называли, потому что мало ли: вдруг какой козёл установил где-нибудь прослушку! – Не разграблено потому,

что никто сюда уже минимум пять десятков лет не ходит и не плавает. Сам знаешь – Гидра! Да и мы бы не подумали, если б не карта, и не Мария маленькая! Она же – телепатка. И Гидру чует. Вот и сказала, что та впала в осеннюю спячку.

– Вроде, правильно, конечно... Но всё равно – как-то уж слишком легко.

– Думаешь, кто-то заморочился? Сочинил специально для нас, дурачков жадных и наивных, красивую легенду, да ещё и старинную бумагу закорючками изрисовал? Используя столетние чернила? И всё – только для того, чтоб разыграть нас? Или убить?

– Да нет... Карта-то, конечно, настоящая... Да и убить нас можно куда проще. Только не верю я, что никто сюда до нас не совал свой любопытный и жадный до нехило дорогих раритетов, нос.

– Да и ладно. Хочешь – стой себе, где стоишь, а лично я пошёл. Посмотрю, чего тут и как. Надо же знать, сколько будет весить то, что мы сможем загрузить в нашу посудину!

Мартен подумал, что оно и верно вроде бы: в их посудину за раз всё равно особо много не загрузить: не больше двухсот килограмм. Да и посмотреть, конечно, хочется.

Он отошёл от ворот, двинувшись за напарником. Вот и глаза почти привыкли...

В первой куче, наваленной почти в рост человека у одной из внутренних опор крыши, оказались вентили. Да-да, самые настоящие железные вентили с ручными колёсами и винтовыми приводящими механизмами – для трубопроводов большого диаметра.

Напарник восхищённо почти шептал, оглаживая и похлопывая по округлым, и чуть прожжавевшим там, где с них слезла серая шаровая краска, бокам:

– Эти – под трубы двенадцать дюймов, а эти – под пятнадцать! Надо же! Да муниципалитет будет нам руки целовать! Потому что старинных, с ручным управлением, уже лет сорок как нигде даже за спасение души не сыщешь! Слышь, кореш: берись-ка! Попробуем, сможем ли мы такой приподнять!

Мартен вынужден был признать, что тяжеленный, из настоящего железа, и со стенками толщиной миллиметров в десять, вентиль, тащить тяжело, но вполне возможно.

– Ладно, положим пока здесь. – они, скорее, уронили, чем положили здоровенную конструкцию размером метр на полметра у ворот, – Всё равно придётся створку ещё приоткрыть. А пока давай-ка пошарим ещё. Вдруг что-то не столь тяжёлое отыщется.

Но кроме ещё пяти куч с беспорядочно наваленными вентилями разных сортов, и фланцев под них, ничего полезного не обнаружилось.

– Чёрт. Всё равно нельзя везти сразу много. А то какой-нибудь умник догадается, что мы напали на настоящую жилу, и цена сразу упадёт. Ну-ка, давай, полезли вон туда, – напарник указал на как бы перегородку с дверью, делящую склад на две неравных части, – Там, кажется, есть что-то вроде чердака!

Чердак действительно имелся: над пустым и тёмным помещением в десять шагов в длину и двадцать – в ширину, имелся глухой как бы внутрискладской навес, на котором, при взгляде снизу, лежали ещё вентили – уже меньших размеров, и не только из старого доброго железа, но и более современные: пластиковые.

– Теперь ты подсади-ка. – Мартен поставил ступню на руки напарника, и, подтянувшись, заскочил наверх, на высоту чуть больше своего роста. Осмотрелся.

Вентили, ящики. Что это в них? Крышка открылась легко: даже не была заперта!

– Слышь, напарник. Здесь есть и железные болты и гайки. Шайбы. И гроверные шайбы. И инструменты даже есть. Газовые ключи, разводной, труборезы... Неплохо, мать его... – Мартен переползал от ящика к ящику, так как выпрямиться в полный рост мешали балки перекрытия. – И даже газовые горелки.

– Хм! Вот если б ты сказал, что тут есть неразложившийся карбид... А так – эти горелки бесполезны. Продать их можно только коллекционерам. А их сейчас нет. Ну, чего там ещё? Почему замолчал?

Мартен и правда замолчал.

Потому что в одном из углов увидел их.

Тряпки, которые имели странную расцветку и рисунок. Что-то другое, не связанное с их работой расхитителей могильников и брошенных построек, они ему напомнили...

Точно! Именно такую расцветку и имел халат его матери! На полувыцветшем фото, что показывал ему наставник.

У него была мать!!!

И сейчас он увидел её словно внутренним взором: стройное тело в халатике, в ванной комнате! И он, малыш трёх лет, неуклюже семенит, пытаясь подбежать! Но...

Но ещё он смутно, где-то совсем уж на краю сознания, видит: в дом врываются какие-то люди в чёрных костюмах, с автоматами, вспышки пламени из этих автоматов, отец падает, уложив только двоих из своего старенького ружья, мать бежит, бежит куда-то вглубь квартиры, но тоже падает на пол – словно от толчка в спину!.. Обрывки звуков: грохот выстрелов, плачь, крики и стоны пытающейся встать матери и раненного отца...

Отца добивают выстрелом в голову – кровь брызжет на серые стены... К матери подбегают трое, бьют сапогами, стреляют в спину и затылок, когда она падает на пол. Кровь снова и снова брызжет и течёт на стены и пол, он, маленький и беспомощный, может только плакать, и кричать: «Нет! Нет!»

Картинка меркнет, темнеет – то ли это выключилось от шока его младенческое сознание, то ли его треснули по голове...

Он отлично помнит, что очнулся тогда на самом деле на руках соседа – старого корейца, и больше в свою квартиру никогда не...

А сейчас он – в своей камере-клетке. Сидит, задыхаясь, на жёстком лежаке, одеяло валяется на полу. Тело до сих пор трясёт, и в камере остро воняет звериным – его! – потом. Откуда, из каких потаённых глубин, всплыло это муторное зрелище, которое он всю жизнь старался забыть?!

Господи! (Прости, что помянул всуе.)

Что это с ним? Почему он, совершенно на человека не похожий – ни внешне, ни внутренне! – монстр с кровожадными или расчётливыми мыслями циничного бойца-убийцы, в которого его превратили здесь, каждый раз видит сны, словно раньше он и правда был – человеком?!

Ведь он видит их там, в снах: свои руки. С тонкими и слабенькими – сравнительно с теперешними! – плечами и предплечьями, и плоскими ногтями. Длинные ноги. Ступни сорок третьего размера. В обуви. Где явно никак не смогли бы разместиться его теперешние «лыжисты» с почти пятидюймовыми лезвиями-когтями. Плоскую, но широкую грудь. Круглую, а не вытянутую вперёд, голову...

Неужели раньше он, он сам, был-таки человеком, и сейчас во сне к нему приходят заблокированные кем-то воспоминания об этом?!

Или...

Или это – всё-таки *не его* воспоминания?

А того неизвестного ему существа, донора его памяти, который помнит и именуется за него все предметы, явления и те события, что он встречает, и что с ним случаются?

Откуда-то же он знает, что стена – это стена. Меч – меч. Песок – песок.

А ведь никто ему этого не говорил, и ничему его не обучал!

Он словно уже явился на этот свет с необходимым набором знаний об этом мире!

Но как и почему это произошло?..

Проклятье.

Можно лежать часами, пялясь в серый стальной потолок, и предаваться размышлениям. Потому что делать-то кроме этого до тех пор, пока не откроется снова дверь, и его не проконвоируют в очередной раз до Арены, на встречу с новым врагом, абсолютно нечего.

Второй сегодняшний противник «стандартного» гладиатора тоже не порадовал: Химера из змеи и скорпиона с карикатурным, словно детским, личиком на передней стороне чудовищного тела уж слишком легко откусила голову противника гипертрофированными бронированными клешнями. Зато у этой схватки имелось хотя бы два несомненных плюса: быстрота и динамичность. Поскольку продлилась она не дольше двух минут.

– Снова – мимо. – профессор дёрнул щекой, даже не потрудившись скрыть своё растущее раздражение от оператора-напарника, – Хорошо только, что быстро.

– Согласен. – Сэвидж старался сохранять нейтрально-деловой тон. Знал, что звуковые анализаторы мгновенно выловят малейшие признаки зачатков «нелояльности» к работодателю вообще и коллеге по работе в частности, и вовсе не хотел никаких новых штрафных санкций. – Стало быть, в журнале наблюдений нужно отметить необходимость уменьшить как размер, так и силу сдавливания клешней – чтоб их мышцы могли только повредить шею, но не перерубать полностью и сразу.

– Ага. Вот и будьте добры, коллега, отметьте. Я пока вызову Стража-уборщика. – теперь профессор Хиггинс защёлкал тумблерами перед собой, хотя «выключать» бойца-человека необходимости уже не было: это произошло автоматически, с отделением от тела головы.

Сэвидж проверил, на должном ли расстоянии от уголка рта находится штанга крохотного микрофончика, и вполголоса, но отчётливо, сказал:

– Тест восемнадцать Ка, дробь три дробь два. Гибрид скорпиона с гадюкой. На базе носителя памяти Зэт – восемьдесят три. Необходимы существенные доработки, для чего нужно новое, уже модифицированное, тело. Исправления следующие. Первое. Нужно уменьшить размер клешней. Далее: ослабить сами мышцы клешней. Второе. Необходимо усилить хитиновые сегменты хвоста: стандартная катана слишком легко перерубила его. Третье... – пока Сэвидж неторопливо и обстоятельно диктовал указания и замечания для отдела Разработки, Уборщик загнал скорпионозмею, человеческое личико которой искажали гримасы боли и ненависти – гладиатор успел отрубить ей добрую четверть трёхметрового хвоста – в отверстие выхода, и убрался и сам. Люк за ними захлопнулся.

Змея не попадёт ни в свою камеру, ни даже в реанимационный блок, раз они посчитали это её тело – непригодным. Вместо этого её ждёт Конвертер.

– Ну что, следующего, коллега?

– Давайте, коллега.

Третьей сегодня оказалась странная и нелепая на вид смесь человеко-крокодила с омаром. Это создание оказалось настолько неуклюжим, и реагировало так медленно, что на пятой минуте позволило раскроить себе череп шипастой булавой, которой на этот раз был вооружён стандартный гладиатор. Не помогли ни огромные когти-клешни, ни зубастая вытянутая морда-пасть.

Но пять минут – всё-таки – не две.

Относительная «удача»!

К автоклаву в комнате релаксации доктор Сэвидж подходил с неопределённой улыбкой на лице. Нельзя давать аналитическим программам чёртовых камер наблюдения поводов пристебаться. Положена ему одна «релаксация» в неделю – надо, стало быть, её использовать. Потому что здоровый и половозрелый мужчина двадцати восьми лет обязан вести и «здоровый» образ жизни.

То есть – сбрасывать семя хотя бы один раз за этот срок. Иначе «состояние фрустрации» и «сексуальной неудовлетворённости» помешает ему «продуктивно работать».

Ну, во-всяком случае именно так сказано в пункте восемь-добрё два Инструкции, регламентирующей физическую форму и личную жизнь сотрудников Станции. И в Правилах внутреннего распорядка.

Огромный, в половину его роста, и добрых пять шагов в длину, округлый пластмассово-стальной короб, выкрашенный в приятный глазу нейтрально-белый цвет, при его приближении автоматически выдвинул встроенный пульт управления. Заботятся о них чёровы хозяева, Корпорация «Дзи-энд-Си», ничего не скажешь: аппаратура настроена на тепло приближающегося тела, и на запах, исходящий от доктора: вон, и его имя появилось в верхней части экрана. И даже номер счёта. И баланс на этом самом счёту. Почти закрывший потери от недавних денежных репрессий в виде штрафа за «некоммуникабельность в столовой».

А что особенно «приятно» – так это то, что его заказ даже не потребует каких-либо трат из его кармана: «всё это входит в базовый пакет бесплатных услуг, предоставляемых нашей Корпорацией нашим лучшим специалистам!»

Лицемеры чёровы.

Набрать на миниатюрной выносной клавиатуре виртуальные кнопочки нетрудно.

Сегодня он тоже решил своим традициям не изменять. Может, кого-то из коллег и интересуют особи своего же пола, но он – консерватор. Традиционалист. Поэтому в графе «пол» он набрал «женщина». В графе «возраст» – двадцать пять лет. Так, теперь вес – пятьдесят. Фигура. Вот: с соотношением восемьдесят девять – пятьдесят – девяносто два. Да, он любил женщин с тонкой, «осиной», талией, и крутыми бёдрами. Невысоких – метр шестьдесят один. Грудь должна помещаться в ладонь, а не пучиться вокруг неё безобразными валиками. Стало быть – второй размер.

Теперь – сознание. Нечего тут мудрить: полное подчинение, словарный запас – основной, характер – мягкий, уступчивый. Он знал, конечно – звукоизолировать личные каюты учёных наверное, никогда не удастся! – что коллега, живущий справа, профессор Лайон Саммерс, предпочитает молоденьких, буквально девочек, и обременён, если можно так выразиться, садистскими замашками. Недаром из-за стены раз в неделю доносятся крики боли, и звук от ударов хлыста. Однако в последний раз кричал явно сам профессор.

Сорокапятилетний мужчина, стало быть, пресытился режимом «подчинения» предметов для релаксации, или просто устал срывать на беспомощных и безответных биокуклах своё раздражение и бессилие что-то изменить, и теперь ему подай дам с «доминированием над партнёром»!..

Сам Сэвидж ещё не настолько наскучил покорными и послушными девами в самом, так сказать, «соку», чтоб предаваться мазохистским вывертам, и позволять им «доминировать» над собой. И срывать раздражение на безропотных и безмозглых биосамках всё ещё считал непорядочным.

Стыдно. Даже перед самим собой.

Впрочем, молодыми и здоровыми самцами, каковых предпочитает другой его сосед, доктор Питер Гузик, Сэвидж тоже обзаводиться не собирался – пока что он всё-таки предпочитал «релаксировать» с особями женского пола. И – быть «сверху».

Поэтому решительно плюнул в выехавший приёмник почему-то вязкой слюной, и не без облегчения проследил, как тот въехал обратно в своё гнездо, а на приёмной панели жёлтая лампочка светодиода сменилась зелёной: загружен, стало быть, его заказ.

Можно идти ужинать. К моменту отхода ко сну описанная в Заказе дама на основе его генома окажется в его комнате.

За его столиком сегодня одиноко возвышался лишь доктор Эрик Лессер: уж его-то нескладную почти двухметровую фигуру очень трудно было перепутать с чьей-нибудь ещё. Доктор задумчиво пережёвывал котлету, как всегда несколько отстранённо глядя куда-то в угол столовой – огромной комнаты с оклеенными свежими плакатами с праздничными пожеланиями, стенами. Сэвидж пробормотал, садясь на своё место:

– Приятного аппетита, доктор.

Сэвиджу немного полегчало от того, что нигде не видно объекта его «некоммуникабельности» – доктора Кроуэлла. Похоже, обиженный «в лучших чувствах» доктор перешёл в другую временную смену.

На своё пожелание Элайджа услышал не менее традиционный ответ:

– И вам того же, доктор.

Сэвидж ткнул пальцем в голографический экранчик, особо не заморачиваясь – его вполне устраивало стандартное меню номер два: «украинский» борщ на первое, мясной стейк с тушёными овощами на второе, салат из свежей капусты с морковью и варёным зелёным горошком, под майонезом. И компот из сухофруктов.

К тому времени, как он постелил себе на колени салфетку со спинки стула, и придвинулся к столу, робот-официант уже привёз поднос с несколькими тарелками. Над «вторым» клубился ароматный пар. Борщ же Сэвидж любил негорячий, о чём автоповар отлично помнил: температура кушанья никогда не превышала пятидесяти градусов. Но и ниже сорока никогда не была.

Робот, оставив тарелки на столе, бесшумно удалился на своих мягких пневматиках, Сэвидж, вздохнув, и тщательно размешав стоящий почти столбиком в центре тарелки «монумент» из густой сметаны, принялся за борщ. К тому времени, как он прикончил и стейк, доктор Лессер уже допил компот – он тоже предпочитал его всяческим экзотическим напиткам и муссам. Но уходить коллега почему-то не спешил.

Сэвидж уже догадался по некоторым признакам: доктор хочет его о чём-то спросить. Собственно, почему бы и нет, если речь пойдёт не о чём-то личном.

– Доктор Сэвидж. Позвольте задать вам вопрос.

– Да, доктор. Я вас внимательно слушаю.

– Вам в последние дни не приходилось проверять... э-э... Ромэна?

Сэвидж, собственно, так и предполагал, что вопрос будет как-то связан с одной из недавних разработок лаборатории Лессера. Ромэном.

– Приходилось, доктор. Не далее, как сегодня.

– Ну и... Как он?

– Прекрасно, если мне будет позволено так выразиться. Ваш питомец укладывает на песок уже восьмого претендента. Своего рода рекорд. Так долго у нас ещё никто не «работал».

– Но ведь вы... Простите, что спрашиваю – действуете по стандартной Программе?

– Совершенно верно, доктор. Стравливаем с ним, – Сэвидж не мог не отметить, как лицо доктора исказила чуть заметная гримаса, когда он намеренно употребил это грубое слово, – всё более тяжёлых и всё лучше вооружённых гладиаторов. Последний весил уже почти в полтора раза больше ромэна, и был на голову выше. И всё равно потерпел поражение.

– Как думаете, доктор, с чем связано столь... Э-э... Успешное выживание? Ромэн... учится?

– И это тоже. То, что он от битвы к битве учится – без сомнения. И совершенствует навыки и приёмы, и развивает, так сказать, «стратегическое мышление». Ему, разумеется, помогает и то, что ваша лаборатория наградила его и отличными пропорциональными конечностями: в меру длинными, в меру сильными. А также ромэн обладает отличной выносливостью. И высокой проходимостью на сыпучих покрытиях – то есть, для него хорошо, что его ступня широкая. Но вы ведь планировали, что он сможет и плавать?

– Да. – Лессер кивнул. Но по сосредоточенно нахмуренным бровям Сэвидж видел, что доктор ждёт продолжения.

Интересно.

Что же конкретно он хочет узнать?

– Конструкция несомненно удачная. И носитель мнемоматрицы подобран верно – с учётом антропо – пардон! – био-метрии. Способность к самообучению – выше всяких похвал. Навыки рукопашной – превосходны. За все восемь схваток лишь дважды ромэн получал серьёзные повреждения. Несмертельные. Мы нашли возможным подлатать его. Так что теперь у нас есть опытный и закалённый боец. Осталось только...

– Да-да?

– Выпустить против него совсем уж гиганта. Но такое наши работодатели вряд ли поприветствуют. Потому что такой бой покажется гротескно ненатуральным. Недостоверным. Ведь согласно Инструкции бойцы должны иметь примерно равный размер и вес – иначе такой поединок не смотрится. Или смотрится фальшиво. Да и применять гладиаторы должны против наших питомцев лишь самое простое оружие – без всяких этих новомодных лазерных пушек, квакеров, или парализаторов.

– Да, я помню, доктор. Собственно, я не поэтому вас о ромэне спрашивал.

– Слушаю вас, доктор. – Сэвидж старался выглядеть равнодушно-спокойным, хотя на душе скребли кошки. Он уже догадался, что именно коллега имеет в виду.

– Я хотел узнать ваше мнение о том, стоит ли нам снова попытаться создать кого-то подобного. Может быть, схватка между как раз ромэном и его аналогом, то есть – антропометрически схожим противником, оснащённым *примерно* такими же возможностями в плане техники и навыков боя, и лишь с когтями и зубами, смотрелась бы... выигрышной?

Сэвидж мысленно трижды сплюнул: они ушли от скользкой темы. Вроде бы. Потому что прослушка в столовой тоже наверняка имелась.

– Вы спрашиваете как специалист или как заинтересованное лицо? То есть, как его создатель.

– Как специалист, разумеется.

– Ну тогда и я вам отвечу как специалисту. Нет. Поединки между человекообразными монстрами *не* являются приоритетами *нашей* работы. (Возможно, конечно, что где-то есть ещё Станции, где как раз ими и занимаются, но я о таких ничего не слышал.) И создавать ещё кого-либо с такими возможностями, данными, и когтями, не нужно.

Потому что буквально за два-три боя такие как ромэн становятся слишком опытными и расчетливыми. Рационалистичными, если можно так выразиться. И не столько бьются, сколько стараются вот именно – убить противника. Максимально безопасно для себя. И максимально простыми и эффективными способами. А такие способы практически всегда абсолютно незрелищны. Возможно, конечно, что это как-то связано с носителями памяти. И если вложить в нового ромэна другого носителя, что-нибудь другое и получится... Но тут уж мы вступаем в область догадок и предположений. Проверить которые можно лишь после смерти вашего подопечного. А пока остаётся только ждать. (Впрочем, думаю, удачно найденную кинематическую схему данного... э-э... экземпляра мы, вернее – вы, можете смело сохранить.) Ведь нам платят за конкретные, расчётные, выходные данные наших созданий. Правда, пока невозможно учесть в таких расчётах боевой, так сказать, опыт, полученный вот таким... «Ветераном».

– Вот-вот, доктор, и я об этом же. – Сэвидж понял, что они-таки не ушли от скользкой темы, – Не кажется ли вам, что столь долго проживший и так наловчившийся грамотно и расчетливо убивать врагов монстр может... вспомнить – ну, то есть, эти воспоминания как бы сами всплывут из дебрей, так сказать, подсознания! – куда больше, чем это было бы желательным? И воспользоваться этими воспоминаниями... Для претворения в жизнь... э-э... собственных планов?

Сэвидж рассмеялся. Но он отлично понимал, что его деланный смех не обманет доктора, и уж тем более – работников СВБ. И их программы-анализаторы.

Но доктору что-то нужно ответить. И ответить умно.

– Думаю, доктор, ответ вы и сами знаете. Да, это может быть опасно. Вернее, могло бы, если б не наша всесезонно и ежесекундно, денно и ночью, бдящая СВБ. Охрана питомника – куда там тюрьмам и исправительным заведениям. Даже преступников-людей не охраняют так, как наших с вами питомцев. С другой стороны, что бы там за эти почти два месяца, пока он сохраняет жизнь, наш (Правильней всё же – ваш!) ромэн не вспомнил из памяти Носителя, это не будет иметь решительно никакого значения, пока он надёжно охраняем и заперт.

В своей клетке.

Я ответил на ваш вопрос? – Сэвидж позволил своему веку чуть дрогнуть.

Доктор Лессер, буквально впившийся глазами в его лицо, намёк несомненно понял: откинулся назад на спинку стула, и пожевал губы. Сказал:

– Да, доктор. Вы ответили. Именно это я и хотел услышать.

Когда робот-посыльный привёз пластиковую капсулу с его заказом, доктор Сэвидж уже успел прочесть половину книги. Книжки на Станции имелись и на флэшках, и на матрицах, и даже в виде старинных раритетов на бумаге с оттисками типографской краски – для таких любителей старины и экзотики, как Сэвидж, или профессор Мэтт Самуэльссон, ветеран космоса и генной инженерии, который сейчас возглавлял их Отделение, и проработал на Корпорацию целых тридцать восемь лет. Про себя Сэвидж думал, что правильное слово всё-таки будет – прослужил. Как «служат» собачки, когда им показывают косточку с мясом...

Впрочем, критиковать кого-либо за то, что они поступают и думают вот так, а не иначе – не его собачье дело. Сам-то он – что? Не в точно таком же положении?!

Элайджа ткнул в кнопку на центральной панели въехавшего в каюту доставщика. Робот опустил двухметровый цилиндрический контейнер, похожий на старинную оральную упаковку для микрогранул с лекарством, или игрушек-киндерсюрпризов, прямо на пол. Глухо щёлкнул переключатель реле в пульте управления, упрятанного где-то в глубине стального ящикообразного корпуса доставщика. Капсула, состоявшая из двух половинок – верхняя прозрачная, нижняя – коричневая – раскрылась.

Ни бережно, ни грубо робот взялся за лямки, проходящие под коленями, под талией, и под мышками девушки, лежавшей внутри, и переложил «даму» прямо на пол. После чего взял захватами пустой кокон, лямки, и удалился, тихо шлёпая по пластиковому полу каюты и коридора гусеницами на резиновом ходу.

Сэвидж закрыл дверь за доставщиком. Вздохнул, невольно кинув косой взор исподлобья в угол, где в точке схождения стен и потолка виднелась неприметная чёрная бусинка – объектив видеокамеры.

А куда денешься?! Всё здесь, на борту Станции, делается для вящей «безопасности и удобства» служащих! СВБ всегда стоит на страже интересов сотрудников «Самого Важного Подразделения Корпорации» – секретного блока лабораторий бодиформинга! Вон: доктора Хасиму откачали буквально за три минуты. Он в своей самодельной петле из разорванной на полосы простыни не успел даже задохнуться как следует!..

Ладно, остаётся только сидеть и ждать.

Когда сформированный по его заказу объект для «удовлетворения естественных потребностей организма» очухается, и сможет выполнять положенную ему функцию.

То есть – «включение сознания» куклы произойдёт через примерно пять минут после доставки. А происходит оно автоматически, в результате открытия колпака кокона.

Как раз можно не торопясь, если кто не успел – раздеться.

Мартен так и не смог уснуть.

Но думал он больше не о том, кем был до пробуждения здесь, в Лабиринте-тюрьме. А о том, как побывал два раза в ремонтной мастерской.

Возможно, правильней было бы назвать её больницей, или госпиталем, но больницей, насколько он помнил из своей базовой, с момента «рождения» имевшейся у него, и сейчас ставшей куда обширней, памяти, называлось место, где лечили людей.

А он – не человек.

Поэтому когда он прикончил очередного противника, перерезав, а вернее – вспоров тому глотку тогда ещё трёхдюймовыми когтями, а сам получил проникающее ранение в живот, да так, что наружу вывалилась часть сизо-серых кишок, его на странной тележке с гусеницами и доставили в комнату на «надземном», верхнем, Уровне Лабиринта: «Ремонтный блок», как значилось на табличке на двери – как оказалось, Мартен мог и читать.

Там Мартена перегрузили, особо не церемонясь, стальными манипуляторами тележки прямо в прозрачный круглый бак, похожий на самую обычную огромную бочку, а в рот вставили что-то вроде загубника. Мартен очень быстро понял, что делать с этим загубником, потому что новые манипуляторы, спустившиеся с потолка, надёжно схватили его за кисти и лодыжки, и начали погружать в бак – с головой. К счастью, дышать через гофрированный мягкий шланг оказалось и просто и удобно: воздух оказался очень бодрящим, словно живительным.

Другие манипуляторы вогнали ему в плечи и ягодицы иглы шприцов. (Он вдруг вспомнил, как называются эти штуки!) А со дна бака всплыли странные, похожие на многоножек, механические как бы мокрицы, размером с ладонь, начавшие что-то делать с его раной на животе...

Решив, что хуже вряд ли будет, и если б его решили убить, сделали бы это как-то попроще, Мартен тогда решил не рыпаться, и проследить – что механические крошки будут с ним делать. Но – не получилось. Что именно они там с его внутренностями делали, и каким образом он оказался «починен», Мартен так и не узнал, и не помнил: всё вокруг поехало, в ушах зазвенело, глаза сами собой закрылись...

Возможно, так произошло из-за мутно-белой жидкости, которую ему в живот впрыснул ещё один здоровенный шприц: тело сразу как-то расслабилось, онемело, словно оно – не его, сознание стало туманиться...

И очнулся он только на лежаке, в своей камере.

На животе остался лишь чуть видимый белёсый рубец.

Второй раз ему «чинили» почти отрубленную у локтя руку: это когда он уже был достаточно «учёный», и живот под острые лезвия не подставлял. Врага тогда зарезал его же мечом, рыча от злости, что купился на обманный финт, и подставил руку – в нём словно проснулись те самые «черты» о которых часто упоминали его противники, и которых он так до сих пор и не видел.

Отрезанную в суставе руку, висящую на клочке кожи и нескольких сухожилиях, пришлось придерживать другой: было очень больно, пока его снова везли на тележке с гусеницами в ремонтный блок. Радовало только то, что кровь почти сразу перестала бить фонтаном – похоже, защитные реакции его нового тела на уровне!..

Но на этот раз в бассейне ему даже не вставляли загубника: просто поддерживали манипуляторами голову над поверхностью, а в зафиксированную другими манипуляторами руку воткнули снова шприц с белёсой жидкостью.

Так что сегодня мокрицы-многоножки возвращали в сустав и пришивали ему руку прямо так, в сознании – без того усыпляющего вещества, что отправило его в недра временного небытия. И теперь-то Мартен понял, почему это вещество дали ему в тот, первый, раз: было не то, что больно, а – чертовски больно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.